В. В. СВѢЧИНЪ
б. флигель адъютантъ Е. И. В.

Свѣтлой Памяти Императора Великомученика Николая II

„Глаза — зеркало души“

ПАРИЖЪ
1 9 3 3

НА ПРАВАХЪ РУКОПИСИ

Свѣтлой Памяти Императора Великомученика Николая II

„Глаза — зеркало души"

ВЕСЬ ЧИСТЫЙ СБОРЪ ОТЪ НАСТОЯЩАГО ИЗДАНІЯ ПОЙДЕТЪ НА УСИЛЕНІЕ ФОНДА ИМПЕРАТОРА-ВЕЛИКОМУЧЕНИКА, ОБРАЗУЕМАГО СОЮЗОМЪ ПРЕОБРАЖЕНЦЕВЪ ПО СЛУЧАЮ ИСПОЛНЯЮЩАГОСЯ 250-ЛѢТІЯ ОСНОВАНІЯ ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ ПРЕОБРАЖЕНСКАГО ПОЛКА

ПАРИЖЪ
1933

Его глаза

Вмѣсто предисловія

Глаза нашего незабвеннаго Государя были необыкновенны. Онъ унаслѣдовалъ ихъ отъ своей Августѣйшей матери.

Всякій, кто хоть разъ въ жизни видѣлъ Государыню Императрицу Марію Ѳеодоровну, помнилъ Ея глаза и всякій, кто, хоть на одно мгновеніе, ощутилъ на себѣ обаятельность ихъ взоровъ, — хранилъ объ нихъ неизгладимую память.

Да, у покойной Государыни были прекрасные, удивительные глаза. Но глаза Ея первенца, царственнаго мученика Императора Николая Александровича были еще прекраснѣе, еще удивительнѣе...

Описать ихъ красоту трудно, дать же представленіе объ ихъ выраженіи — еще труднѣе и не мнѣ браться за эту непосильную задачу.

Скажу только, что всякій разъ, когда глаза Государя обращались ко мнѣ, — я неизмѣнно испытывалъ всепокоряющую силу ихъ чарующей прелести и, любуясь ими, всегда особенно поражался ихъ глубиною, которая была неизмѣрима, какъ неизмѣримы были, излучавшіяся изъ нихъ, доброта и милосердіе.

Недаромъ же всѣ, приближавшіеся къ Государю, невольно подчинялись чарамъ Его глазъ; преданныхъ и вѣрныхъ слугъ они ласкали и ободряли, враговъ, зачастую, обезоруживали, а, если нѣкоторыя лица, съ зачерствѣлымъ и недоступнымъ добрымъ порывамъ сердцемъ, оставались равнодушными къ ихъ благотворнымъ лучамъ, то нерѣдки бывали случаи, когда лучи эти, запавъ неожиданно въ души людей, казавшихся безнадежно враждебными, вызывали въ нихъ чудодѣйственную перемѣну, подобную той, какую вызываютъ лучи весенняго солнца въ, занесенныхъ снѣгами, равнинахъ Россіи.

Такихъ случаевъ было не мало въ жизни Императора Николая II, но о нихъ знали лишь немногіе.

Да позволено же будетъ мнѣ спасти отъ забвенія тѣ изъ нихъ, которые особенно ярко иллюстрируютъ вышесказанное и о которыхъ до сихъ поръ никто не повѣдалъ.

Просвѣтленіе соціалиста

За нѣсколько лѣтъ до войны, во время слѣдованія Государя съ Августѣйшей Семьей въ Крымъ, Императорскому поѣзду была назначена остановка въ одномъ изъ попутныхъ городовъ.

Заблаговременно извѣщенные объ этомъ, губернское и уѣздное начальство, а также земство, стало дѣятельно готовиться къ Высочайшему пріѣзду. Вырабатывалась программа встрѣчи, составлялись списки депутацій и лицъ, долженствующихъ участвовать во встрѣчѣ и удостоиться представленія Ихъ Величествамъ, когда неожиданно, возникъ вопросъ, имѣвшій, по мѣстнымъ условіямъ, особое значеніе.

Вопросъ этотъ заключался въ томъ: можно ли допустить въ число встрѣчающихъ Государя, завѣдывающаго губернской земской больницей, доктора N.? Возникъ же онъ потому, что всѣмъ было извѣстно, что N. — убѣжденный соціалистъ. Правда, всѣ знали, что онъ ни въ какихъ революціонныхъ партіяхъ не состоитъ и, будучи человѣкомъ глубоко честнымъ и проникнутымъ сознаніемъ долга, — пропагандой не занимается ни среди больныхъ, ни среди своихъ подчиненныхъ; знали также, что онъ прекрасный врачъ и что больница содержится имъ въ образцовомъ порядкѣ.

Но, такъ какъ наряду съ этимъ N. въ бесѣдахъ съ друзьями и знакомыми, своихъ взглядовъ не скрывалъ, а, наоборотъ, горячо отстаивалъ марксистскія теоріи и иногда допускалъ въ пылу спора, рѣзкіе отзывы о государственномъ строѣ Россіи и непочтительныя сужденія о Монархіи и даже о самой Особѣ Монарха, то, естественно, что личность N. вообще вызывала не мало толковъ. Одни, хотя и находили, что ему не мѣсто въ земствѣ, но, имѣя въ виду его заслуги, какъ доктора и администратора, не настаивали на его увольненіи; большинство же было настроено, въ отношеніи N. благожелательно и, цѣня его прямоту и добросовѣстное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, просто игнорировали его убѣжденія.

Когда же вопросъ объ N. сталъ на очередь въ связи съ ожидавшимся пріѣздомъ Царской Семьи, то мнѣнія, естественно, раздѣлились. Одни, памятуя его революціонныя разглагольствованія, считали невозможнымъ допускать его до представленія Ихъ Величествамъ, другіе же, указывая на его выдающуюся дѣятельность, наоборотъ, настаивали на этомъ, говоря, что N. не заслужилъ такого къ себѣ отношенія; что же касается его рево-

люціонерства, то оно не опасно, такъ какъ онъ революціонеръ-теоретикъ, неспособный ни на какія активныя дѣйствія.

Это мнѣніе въ общемъ раздѣляли и Предводитель Дворянства и Предсѣдатель Управы, и такъ какъ Губернаторъ, благоволившій вообще къ N. видимо склонялся на ихъ сторону, то Начальникъ Жандармскаго Управленія, вѣроятно, изъ опасенія, какъ бы Департаментъ Полиціи не упрекнулъ его въ либерализмѣ, заявилъ протестъ, когда выяснилось, что его собираются допустить къ встрѣчѣ ихъ Величествъ.

Тогда Губернаторъ, знавшій, что N. обладаетъ весьма развитымъ чувствомъ собственнаго достоинства и потому опасавшійся какъ бы недопущеніе его къ участію во встрѣчѣ Царской Семьи, не было бы сочтено имъ за оскорбленіе и не откинуло бы столь полезнаго работника еще болѣе влѣво, написалъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ и, ходатайствуя за N., поручился за него. Въ результатѣ послѣдовало разрѣшеніе и N. не былъ подвергнутъ остракизму.

Въ назначенный день, на украшенной зеленью и флагами, платформѣ выстроился почетный караулъ сс знаменемъ и хоромъ музыки и вытянулась длинная линія встрѣчающихъ Царскую Семью.

Тутъ и военное и гражданское начальство, и духовенство, и депутаціи отъ сословій и учрежденій, и разныя должностныя лица. Далѣе, за платформой, сдерживаемая стражниками, толпа сбѣжавшагося отовсюду народа...

У всѣхъ праздничное настроеніе, всѣ ждутъ прибытія Того, кого видѣть, въ теченіе многихъ столѣтій, доставляло истинное счастье милліонамъ россіянъ. Въ описываемое время, политическія страсти и злобная пропаганда уже нѣсколько поколебали былой престижъ Россійской Монархіи, но все же, слово «Царь» еще отзывалось въ сердцахъ какъ нѣкій вѣщій звукъ, какъ священный символъ, въ коемъ сливалось все святое и дорогое и, съ колыбели, любимое и чтимое.

Одинъ лишь докторъ N. не охваченъ общимъ праздничнымъ настроеніемъ. Вынужденный, по службѣ, присутствовать при встрѣчѣ Того, кто въ его глазахъ не помазанникъ Божій, не Царь милостивый, не Императоръ проникнутый сознаніемъ лежащаго на Немъ тяжкаго долга царственнаго служенія, а, по терминологіи, усвоенной имъ еще съ университетской скамьи, — «тиранъ», и притомъ тиранъ жестокій, «врагъ народа», кромѣ «военщины» ничѣмъ не интересующійся, докторъ N. съ самого утра не въ духѣ. Онъ даже колебался — итти или нѣтъ? Два чувства въ немъ боролись: одно говорило — не надо, другое же, сознаніе служебнаго долга, властно указывало, что надо итти. Второе взяло верхъ.

Принимая, однако, это рѣшеніе, онъ надѣялся, что ему удастся стушеваться въ толпѣ встрѣчающихъ; но, по прибытіи на станцію, онъ увидѣлъ, что этому не бывать, такъ какъ ему назначено опредѣленное мѣсто, впереди земскаго медицинскаго персонала.

Это еще болѣе испортило его настроеніе. Теперь N. предвидитъ не только неизбѣжность поклона «тирану», но и возможность разговора съ нимъ. Мысль эта для него ужасна. О! если бы онъ могъ высказать Тому, для кого устроена вся эта «дурацкая комедія», все, что онъ думаетъ, — тогда

дѣло было бы другое, но онъ знаетъ, что онъ этого не сдѣлаетъ и не страха ради, а просто въ силу прирожденнаго ему чувства благоприличія.

Онъ также сознаетъ, что безцѣльной грубостью, которая была бы прежде всего, и величайшей глупостью, онъ подвелъ бы и Губернатора, благородно за него поручившагося и всѣхъ своихъ доброжелателей изъ числа земцевъ.

Нѣтъ, этого дѣлать нельзя, говоритъ онъ себѣ, и еще болѣе проклинаетъ свою судьбу.

***

Но время идетъ, назначенный часъ приближается. Военное начальство въ послѣдній разъ провѣряетъ караулъ. Солдаты оправляютъ усы, одергиваютъ мундиры. Всѣ присутствующіе невольно нервничаютъ...

Проходитъ еще нѣсколько минутъ и вдалекѣ, изъ-за складки мѣстности, показываются два бѣлыхъ дымка. Они ближе и ближе... и вотъ уже можно различить всю линію Императорскаго поѣзда.

Послѣднія мгновенія особо- напряженнаго ожиданія, и управляемые заслуженными машинистами, подъ руководствомъ инженеровъ тяги, гигантскіе паровозы, увлекая темно-синіе вагоны, украшенные золотыми Императорскими орлами, медленно проходятъ мимо встрѣчающихъ.

Свистокъ, — и поѣздъ, какъ вкопанный, останавливается съ математической точностью дверью вагона-гостиной — противъ натянутаго ковра.

Проводникъ вагона наскоро вытираетъ бронзовые поручни, другіе кладутъ сходни, а соскочившіе на ходу казаки Конвоя — выстраиваются по обѣимъ ихъ сторонамъ.

Государь, Императрица и Августѣйшія дѣти выходятъ изъ вагона. Государь принимаетъ рапортъ Начальника Губерніи и слѣдуетъ къ почетному караулу. Раздается команда, сверкаютъ на солнцѣ штыки, оркестръ играетъ встрѣчу и караулъ замираетъ въ ожиданіи Царскаго привѣта.

Какъ всегда, громко звучитъ голосъ Государя, лаская солдатскія сердца.

Отвѣтъ и восторженное «ура» оглашаетъ воздухъ и, въ то же время, раздаются торжественные звуки нашего безподобнаго гимна.

«Ура» кричатъ солдаты, «ура» подхватываютъ всѣ собравшіеся на платформѣ, «ура-а-а» гудитъ тысячная толпа, окружающая станцію, однимъ сердцемъ и одними устами, привѣтствующая Державнаго Хозяина земли Русской, своего возлюбленнаго Царя, своего Богомъ вѣнчаннаго Императора.

Дивная, умилительная, глубоко-волнующая картина былыхъ счастливыхъ дней величія нашей родины, когда всѣ россіяне, безъ различія сословій и состояній, сливались въ единую громаду вѣрноподданныхъ, готовыхъ, по первому зову своего Царя, отдать жизнь за Него и за Русь святую...

«Боже Царя храни» поютъ подъ звуки оркестра, выстроившіяся депутаціи... «сильный, Державный», подхватываетъ народъ, «царствуй на славу намъ... царствуй на страхъ врагамъ»...

Въ это время, устремивъ глаза въ пространство, докторъ N. не обращаетъ вниманія на то, что творится вокругъ. Торжественно-молитвенные звуки гимна, волнующіе всѣхъ присутствующихъ, его не трогаютъ. Поглощенный своими мыслями, онъ не замѣчаетъ, что военная церемонія кончилась,

что Царская Семья уже обходитъ депутаціи, подносящія кто хлѣбъ-соль, кто — иконы, кто — мѣстныя издѣлія... Онъ не слышитъ ни долетающихъ до него отрывковъ привѣтственныхъ рѣчей, ни Царскихъ словъ благодарности. Онъ не отдаетъ себѣ отчета, что то, чего онъ такъ опасается — должно съ минуты на минуту, совершиться...

— Завѣдующій Губернской Земской больницей, докторъ N., слышитъ онъ голосъ Губернатора и, поднявъ глаза, видитъ передъ собою Государя.

Пораженный неожиданностью, онъ хочетъ бѣжать, но не имѣетъ силы сдвинуться съ мѣста. Инстинктивно, самъ того не замѣчая, склоняетъ онъ свою вольнодумную голову передъ Императоромъ Всероссійскимъ и жметъ, милостиво протянутую ему, руку.

Но въ душѣ подымается буря, въ глазахъ появляется недобрый огонекъ и слова «тиранъ», «врагъ народа» снова мелькаютъ у него въ головѣ.

А въ это время «тиранъ и врагъ народа» смотритъ на него своими дивными, спокойными, ласкающими глазами и, пораженный ими революціонеръ чувствуетъ какъ ихъ благотворные лучи проникаютъ въ его взбаломученную душу и вносятъ въ нее миръ и успокоеніе.

Царь задаетъ обычные, для такихъ случаевъ, вопросы, но, слыша толковые и ясные отвѣты, начинаетъ разспрашиваетъ болѣе подробно. Онъ интересуется постановкой медицинскаго дѣла въ губерніи, спрашиваетъ про борьбу съ дѣтской смертностью, съ туберкулезомъ и т. п. Подробно разспрашиваетъ про, посѣтившую губернію, въ теченіе минувшей зимы, эпидемію тифа.

Эти вопросы, касающіеся того, чему N. посвятилъ жизнь и что ему дороже самой жизни, всецѣло поглощаютъ его вниманіе. Какъ фанатикъ своего дѣла, онъ забываетъ все, что его такъ волновало незадолго до того, не думаетъ больше ни о томъ, гдѣ онъ, ни Кто передъ нимъ и, увлеченный дорогою ему темой, онъ ярко рисуетъ передъ своимъ Августѣйшимъ собесѣдникомъ картину столь близкой ему жизни и дѣйствительности. Не хвастаясь при этомъ достигнутыми успѣхами, онъ, въ то же время, не сгущаетъ красокъ, какъ дѣлали столь многіе, говоря про недочеты, говоритъ просто, отъ души и съ явно неподдѣльной любовью къ своему дѣлу.

Царь слушаетъ съ возростающимъ вниманіемъ и смотритъ на доктора все болѣе и болѣе ласковыми глазами.

Искренно заинтересованный, Онъ задаетъ все новые вопросы.

Между тѣмъ время бѣжитъ, а оно расписано... Бесѣда съ N. длится уже около четверти часа.

Министръ Двора рѣшается наконецъ показать Государю часы.

— Боже мой, Я совсѣмъ съ вами заболтался, говоритъ Государь и, въ послѣдній разъ особо милостиво взирая на доктора и протягивая ему руку, прибавляетъ: «Все, что вы Мнѣ разсказали, Меня чрезвычайно интересуетъ. Сердечно благодарю васъ и желаю дальнѣйшихъ успѣховъ въ столь полезной дѣятельности».

Отходя, Государь выражаетъ Губернатору свое удовлетвореніе по поводу разговора съ докторомъ.

***

Исполнивъ все, что было положено по расписанію, Царская Семья возвращается въ вагоны.

Сходни снимаются, раздается свистокъ и поѣздъ плавно отходитъ отъ платформы.

Опять несется ура — прощальное ура, провожающее отъѣзжающихъ Высокихъ посѣтителей; несется оно, переливаясь и оглашая всю округу и отовсюду эхо вторитъ восторженному клику русскаго народа, и кажется, что и лѣса, и долы, и само небо ликуютъ и славятъ, и величаютъ Бѣлаго Царя, властителя полу-вселенной.

Царскій поѣздъ уже далеко, а ура не умолкаетъ и народъ медлитъ разойтись, устремивъ взоры въ ту сторону, гдѣ еще виднѣются, освѣщенныя послѣдними лучами заходящаго солнца, бѣлыя крыши Царскихъ вагоновъ...

Наконецъ поѣздъ исчезаетъ изъ глазъ провожающихъ. Начинаются оживленные разговоры и обмѣнъ впечатлѣній.

Особенно занимаетъ всѣхъ бесѣда, коей удостоилъ Государь доктора; необычная по своей продолжительности, она представляется для мѣстныхъ людей, знающихъ N., особенно интереснымъ событіемъ.

— Что вы скажете про бесѣду съ N.? говоритъ одинъ.

— Замѣтили ли вы, съ какимъ вниманіемъ Государь слушалъ доктора? спрашиваетъ другой.

— Видѣли вы, какъ нашъ революціонеръ кланялся Государю? язвитъ одинъ изъ недоброжелателей доктора.

Кто-то, болѣе наблюдательный, замѣчаетъ:

— Сначала онъ былъ нахмуренный, а засимъ, понемногу, отходилъ и, подъ конецъ, совсѣмъ преобразился, прямо можно сказать просіялъ...

— Я былъ увѣренъ, что именно такъ и будетъ, заявляетъ Предводитель. Недаромъ же я всегда говорилъ, что N. — революціонеръ-теоретикъ, неспособный ни на какую гадость.

— Да вы совсѣмъ увлекли Государя...

— Знаете-ли вы, что Онъ ни съ кѣмъ такъ долго не бесѣдовалъ, какъ съ вами?

— Можно подумать, что Онъ пріѣзжалъ для васъ...

Но N. не слышитъ обращенныхъ къ нему словъ: ни шутки друзей, ни затаенная зависть недруговъ до него не доходятъ. Онъ молчитъ и сосредоточенно смотритъ куда-то въ пространство, никого не видя и вдругъ, ни къ тому въ частности не обращаясь, восклицаетъ восторженнымъ голосомъ, въ которомъ слышатся слезы:

— **Боже, какіе глаза!** и прибавляетъ — **такіе глаза у дурного и злого человѣка быть не могутъ... О, если бы я это зналъ, — я бы никогда не говорилъ того, что говорилъ.**

Перемѣнились-ли, послѣ этого событія, убѣжденія доктора N., сталъ ли онъ, подъ вліяніемъ происшедшаго, монархистомъ и отвернулся-ли онъ окончательно отъ гибельныхъ утопій марксизма, — сказать не берусь, но, со словъ лицъ, хорошо его знавшихъ, могу завѣрить, что, съ описанной памятной минуты, обладатель, очаровавшихъ его, чудесныхъ глазъ, пересталъ быть для него «самодержавнымъ тираномъ-кровопійцей и врагомъ народа», а сталъ навсегда тѣмъ, чѣмъ былъ въ дѣйствительности — милосерднѣйшимъ, доброжелательнѣйшимъ и преданнѣйшимъ своей родинѣ и своему народу, но, увы, мало кѣмъ понятымъ, и несчастнѣйшимъ Государемъ.

Въ лазаретѣ

Зима 1914-го года.

Его Величество, возвращаясь изъ поѣздки на Кавказскій фронтъ, гдѣ Онъ привѣтствовалъ свои доблестныя войска, только что одержавшія блестящую побѣду надъ Турками при Сарокомышѣ, остановился на нѣсколько дней въ Москвѣ, куда прибыла также и Государыня Императрица съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великими Княжнами.

Мнѣ было приказано находиться въ Свитѣ Государя во все время пребыванія Ихъ Величествъ въ Первопрестольной.

Чередуясь съ моимъ товарищемъ по Свитѣ, Флигель-Адъютантомъ Полковникомъ Графомъ Д. С. Шереметевымъ, я дежурилъ при Государѣ черезъ день и сопровождалъ Его Императорское Величество при поѣздкахъ по госпиталямъ и лазаретамъ, которые были, къ этому времени, уже вполнѣ оборудованы и въ которыхъ находилось на излеченіе множество раненыхъ.

Въ промежуточные, между дежурствами, дни мы были командируемы въ разные лазареты, не стоящіе въ спискѣ предназначенныхъ для Высочайшаго посѣщенія. Мы должны были передавать раненымъ Царскій привѣтъ и спасибо за службу и награждать, отъ имени Государя, тяжело раненыхъ Георгіевскими медалями.

Сопровождая, такимъ образомъ, Его величество въ Его поѣздкахъ по лазаретамъ, я имѣлъ неоднократно случай наблюдать какое глубокое впечатлѣніе производилъ на Него видъ тяжело раненыхъ, ампутированныхъ, ослѣпшихъ и изуродованныхъ, еще такъ недавно, вполнѣ здоровыхъ людей, принесенныхъ въ жертву Молоху войны, столь всегда противной сердцу Государя.

Впечатлѣніе это бывало настолько сильно, что, несмотря на, присущія Государю, выдержку и самообладаніе, Онъ иногда не былъ въ силахъ скрыть своего душевнаго волненія.

И надо было видѣть Его глаза, когда, переходя отъ койки къ койкѣ, Онъ склонялся надъ несчастными страдальцами и заботливо разспрашивалъ о ихъ раненіяхъ и сраженіяхъ, гдѣ они были ранены, интересовался какой они части, какой губерніи, есть ли семья и т. д.

Я, который зналъ Его глаза и столько лѣтъ уже ими постоянно любовался и, казалось, вполнѣ ихъ изучилъ, я, всякій разъ въ лазаретахъ, поражался ихъ новой скорбной красотой.

Не могу выразить словами сколько было въ нихъ сострадания и любви къ ближнему.

Всегда прекрасные, но, обыкновенно не легко проницаемые, они были, въ это жестокое время, истиннымъ отраженіемъ Его благочестивой христіанской души и въ нихъ не трудно было разглядѣть какія сокровенныя струны затронула навязанная Ему ужасная война и понять какой искренней и великой печалью звучали эти невидимыя струны.

Глядя на Него въ эти минуты, я невольно думалъ о жестокой ироніи Его судьбы.

Не Онъ ли первый поднялъ голосъ во имя мира, призывая правительства цивилизованныхъ государствъ поставить заботы о его сохраненіи во главу угла всѣхъ своихъ прочихъ заботъ? Не Его ли послы убѣждали въ Гаагѣ съѣхавшихся представителей великихъ державъ, что миръ есть высшее благо и что для сохраненія его должно жертвовать узко-національными интересами? Не они ли доказывали возможность, при добромъ желаніи, предупреждать вооруженные конфликты путемъ переговоровъ и арбитража, при условіи, конечно, чтобъ всѣ были воодушевлены тѣми же христіанскими и человѣколюбивыми побужденіями, какими воодушевленъ былъ русскій Императоръ? Не они ли, наконецъ, видя малую податливость участниковъ созванной, по Его высокому почину, конференціи, старались смягчить ужасы будущихъ войнъ путемъ международныхъ соглашеній, направленныхъ къ запрещенію особо жестокихъ средствъ борьбы, въ родѣ разрывныхъ пуль, удушливыхъ газовъ и т. п.

Да! все это было, и искрененъ былъ порывъ русскаго Царя, и безкорыстенъ Его призывъ!

Но, подобно тому, какъ прозвучавшій, 1900 лѣтъ ранѣе, призывъ Спасителя къ любви и прощенію обидъ, остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, такъ и этотъ великодушный призывъ не пробудилъ совѣсти правителей и политиковъ.

Плохо скрываемая корысть, національный эгоизмъ, вѣчное соревнованіе, взаимное недовѣріе и непримиримое недоброжелательство — вотъ чѣмъ отвѣтили въ Гаагѣ русскому Царю, Апостолу мира, мечтавшему о благѣ не только своего народа, но и всего человѣчества.

Такъ думалъ я во дни оны, глядя на беззавѣтно любимаго мною Царя и благодѣтеля моего и ясно представлялся мнѣ весь ужасъ, весь трагизмъ той двойственности, въ которой протекало Его царствованіе.

Его выступленіе противъ войны не было однимъ изъ тѣхъ жестовъ, къ коимъ прибѣгаютъ иногда честолюбивые монархи и правители, оно не было направлено къ снисканію себѣ популярности... Нѣтъ! — это былъ искреннѣйшій порывъ благородной души, глубоко религіознаго, истинно вѣрующаго и добрѣйшаго человѣка, унаслѣдовавшаго отъ своего отца, ненависть и отвращеніе къ войнѣ.

Но, безпощадная судьба, презирая Его чувства, заставила его во второй разъ, за 20 лѣтъ царствованія, послать свои горячо-любимыя войска на кровавую бойню.

Уже Японская война была для Него тяжелымъ испытаніемъ, но что это въ сравненіи съ тѣмъ небывалымъ бѣдствіемъ, которое такъ неожиданно на-

летѣло на Его Имперію, оторвало Его народъ отъ мирнаго труда и повергло его въ пучину крови и невѣроятныхъ страданій.

Подавленный стихійностью страшнаго бѣдствія, Онъ смотритъ на лежащихъ вокругъ Него искалѣченныхъ воиновъ — этихъ невинныхъ жертвъ германо-австрійскаго честолюбія, английской алчности и непредусмотрительности какъ французскаго, такъ и увы, своего собственнаго правительства... Смотритъ Онъ на этихъ несчастныхъ и не можетъ скрыть своего волненія. На глазахъ Его появляются слезы. Нервнымъ жестомъ Онъ быстро ихъ отираетъ, но ихъ уже видѣли сотни глазъ, со всѣхъ концовъ палаты, къ Нему обращенные. И слезы Царя, упадая, какъ благодатная роса на сердца страдальцевъ, приносятъ имъ утѣшеніе и даютъ силы терпѣть.

И хочется вѣрить, что не одни поверженные на койкахъ лазарета видѣли эти святыя слезы, — но видѣлъ ихъ и Тотъ, чьи божественныя очи такъ же плакали, при видѣ человѣческихъ страданій, и что онѣ нынѣ, какъ драгоцѣнныя жемчужины, сіяютъ среди терній, вѣнчающихъ чело великомученика Императора Николая.

**
*

Въ день Своего отбытія въ Петроградъ, Государь Императоръ повелѣлъ мнѣ остаться еще нѣсколько дней въ Москвѣ, дабы объѣхать неосмотрѣнные лазареты и, въ первую голову, побывать въ томъ, который Его Величество посѣтилъ передъ самымъ отъѣздомъ.

— Мнѣ пришлось сейчасъ торопиться, сказалъ Государь, и Я опасаюсь какъ бы кого не обидѣлъ, обойдя тяжело раненыхъ и наградивъ, случайно, менѣе достойныхъ... Поѣзжайте и провѣрьте и, если такіе случаи обнаружите, то исправьте мой грѣхъ и обласкайте, отъ Моего имени, обойденныхъ.

Эти простыя слова русскаго Императора, запечатлѣвшіяся въ моемъ сердцѣ, какъ рѣшительно разсѣиваютъ онѣ, возведенную врагами и недоброжелателями, на Него клевету о присущемъ Ему, будто-бы, безсердечьи и безразличномъ отношеніи къ участи и страданіямъ Своихъ подданныхъ!

**
*

На другой день послѣ отъѣзда Ихъ Величествъ изъ Москвы, я поспѣшилъ съ утра въ указанный мнѣ лазаретъ, дабы какъ можно скорѣе, исполнить, возложенное на меня Государемъ, порученіе.

Тяжело раненыхъ, не получившихъ, изъ рукъ Его Величества, Георгіевскихъ медалей, по провѣркѣ, оказалось немного, — всего лишь нѣсколько человѣкъ.

Передавая имъ, отъ имени Державнаго Вождя русской арміи, медали, я старался объяснить имъ сколь велика была проявленная, въ отношеніи ихъ, Государемъ, заботливость и милость, и, долженъ сказать, что всѣ до единаго, искренно и всѣмъ сердцемъ реагировали на мои слова и многіе со слезами на глазахъ просили меня благодарить Государя.

Привыкшій разбираться въ солдатскихъ настроеніяхъ, я утверждаю, что никакой фальши во всемъ томъ, что мнѣ довелось слышать и видѣть не было: простыя солдатскія сердца, подъ благотворнымъ дѣйствіемъ Царска-

го вниманія и ласки, раскрывались, какъ полевые цвѣты, подъ дѣйствіемъ животворящаго солнца...

До сихъ поръ вижу эти исхудалыя и измученныя лица, озаренныя, хотя, быть можетъ, и минутной, но счастливой улыбкой... но, особенно явственно представляю себѣ того безвѣстнаго героя, слова котораго врѣзались въ мою память и которыя настолько красивы въ своей простотѣ и настолько возвышены по духу, что привожу ихъ, какъ замѣчательный образецъ искренняго голоса народной души.

Исполняя повелѣніе Государя, я уже посѣтилъ всѣ палаты, въ которыхъ, по справкамъ, наведеннымъ у администраціи лазарета, находились тѣ обойденные, о коихъ вспомнилъ и позаботился Государь.

Раздавъ имъ медали и передавъ Царскій привѣтъ, я собирался покинуть лазаретъ, когда, неожиданно прибѣжавшая въ переднюю, запыхавшаяся сестра милосердія, видя, что я уже въ пальто, кинулась ко мнѣ и, несмотря на присутствіе старшаго врача и старшей сестры, очевидно боясь, какъ бы я не уѣхалъ, непосредственно обратилась ко мнѣ со слѣдующими словами:

— Господинъ полковникъ, ради Бога, не уѣзжайте, ради Бога, вернитесь еще въ нашу палату... У насъ тамъ тяжко-контуженный, онъ страдаетъ ужасно, хуже иныхъ ампутированныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ его забываютъ и Государь Императоръ ему медали не далъ и Вы сейчасъ прошли мимо, его не замѣтивъ. Пожалуйста, вернитесь! Онъ такой несчастный, прибавила она, съ трудомъ владѣя своимъ волненіемъ.

Услышавъ это, я обратился за поясненіями къ старшему врачу, напомнивъ при этомъ, что я ясно указалъ, при пріѣздѣ, съ какою цѣлью я присланъ.

На это старшій врачъ мнѣ отвѣтилъ, что я говорилъ про тяжко раненыхъ и ампутированныхъ, а что этотъ, молъ, контуженъ и, какъ мнѣ показалось, недружелюбно при этомъ взглянулъ на сестру, осмѣлившуюся вмѣшаться, по его мнѣнію не въ свое дѣло.

— Раненъ или контуженъ, это безразлично, сказалъ я, мнѣ важно знать кто болѣе тяжко пострадалъ и главное, что сулитъ ему будущее.

Видя, что старшій врачъ не можетъ мнѣ дать нужныхъ свѣдѣній, я велѣлъ вызвать завѣдующаго палатой.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ явился и я, переговоривъ съ нимъ и убѣдившись, что слова сестры были болѣе чѣмъ основательны, поспѣшилъ обратно въ указанную мнѣ палату.

Подойдя къ контуженному, я увидѣлъ одно изъ тѣхъ хорошихъ, открытыхъ, привлекательныхъ простонародныхъ лицъ, которыя особенно часто встрѣчались среди жителей Полтавской, Черниговской и др. малороссійскихъ губерній, всегда дававшихъ прекрасныхъ солдатъ.

Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно его рубашки и худъ до чрезвычайности; впавшіе глаза казались погасшими, губы были совершенно бѣлы.

Несчастный былъ контуженъ въ спинной хребетъ и страдалъ невѣроятно. По мнѣнію врача — на выздоровленіе онъ имѣлъ очень мало шансовъ.

— Почему же ты не сказалъ, что ты такъ серьезно боленъ и такъ сильно мучаешься? Вѣдь сейчасъ, когда я былъ въ палатѣ, я сказалъ, что присланъ къ вамъ Государемъ Императоромъ, чтобы наградить всѣхъ тяжелыхъ, кого Его Величество, невольно, пропустилъ и громко спросилъ кто тяжелые.

— Почему же ты о себѣ не заявилъ? Или ты не слышалъ, что я говорилъ, или не понялъ?

— Никакъ нѣтъ, Ваше Высокоблагородіе, — все слышалъ и все понялъ, отвѣтилъ онъ мнѣ, хотя и слабымъ голосомъ, но вполнѣ отчетливо, — я не смѣлъ... Начальство, думалъ, само знаетъ кого треба наградить; коли заслужилъ, то дадутъ миндаль, а коли не даютъ — значитъ не заслужилъ. А также думалъ, что награждаютъ тѣхъ, у кого отрізані чи рука, чи нога. У меня же, слава Богу, онѣ цілы, а що дуже болитъ, да ломитъ, — то Божья воля...

Глубоко растроганный такимъ невѣроятнымъ смиреніемъ, я прикололъ къ его рубахѣ Георгіевскую медаль и сказалъ, что передаю ему, отъ имени Государя Императора, особо сердечное спасибо за службу и за тотъ геройскій духъ, который онъ сохранилъ среди страданій.

Тогда его взоры оживились, въ нихъ появился внезапно, огонекъ и, среди торжественной тишины, царившей, въ это время въ палатѣ, съ неожиданной силой прозвучали тѣ замѣчательныя слова, которыя, какъ я сказалъ, врѣзались въ мою память, и которыхъ понынѣ, несмотря на протекшіе годы, не могу хладнокровно вспоминать.

— Покорнѣйше благодарю, Ваше Высокоблагородіе, началъ онъ, но засимъ, видимо отъ волненія и подъ вліяніемъ сильныхъ болей, забывая обычныя уставныя формулы, онъ продолжалъ, пересыпая русскую рѣчь малороссійскими словами, просто, душевно, — премного благодарны Государю Императору за Ихъ милость... Намъ тутъ хорошо — уходъ, что за господами... А они, Государь-то, и такъ насъ наградили, що насъ грѣшныхъ посѣтили... Ваше Высокоблагородіе, продолжалъ онъ, все болѣе и болѣе волнуясь, — у Государя такіе глаза, що въ жисть не бачилъ — до смерти не забуду. Люди говорили, що Ему до насъ діла нѣтъ... Теперь я знаю — то злодѣи, хуже нѣмца — все брешутъ... Ужъ мене теперь сего не скажуть... Колы Богъ дастъ, выдужаю — убью всякаго, хто скаже що такое подобное...

— Я видѣлъ Его глаза и знаю теперь правду. Въ нихъ слезы были, вотъ те Христосъ, самъ видѣлъ. Сказать — не повѣрятъ: Царь, Императоръ Рассейскій, да плаче... Смотрілъ на насъ искалѣченныхъ и плакалъ... Знать жалѣлъ. Видно правду въ полку учили, когда сказывали, що мы для Него якъ дѣти. Какъ есть отецъ по дѣтямъ и паче...

— Ваше Высокоблагородіе, — помирать буду, не забуду его глазъ.. Какъ посмотрілъ на мене, проходя, точно солнышко въ душонку мою заглянуло, ажно жарко стало и болѣсть, какъ будто, полегчала. Вѣрите-ли, Ваше высокоблагородіе, до сихъ поръ все вижу Его глаза! Я не одинъ такъ говорю — спросите, Ваше Высокоблагородіе, кого угодно изъ нашихъ ребятъ — усі то же скажутъ...

Въ эту минуту, съ разныхъ сторонъ палаты, послышались многочисленные голоса:

— Такъ точно, Ваше Высокоблагородіе, вѣрно, это такъ, одно слово — правда, покорнѣйше благодаримъ Его Императорское Величество... Пошли имъ Господь здоровья.

Всѣ, кто былъ въ силахъ, приподнялись на койкахъ, осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ, у многихъ на глазахъ были слезы.

Не зная какъ еще выразить мое восхищеніе несчастному страдальцу

и настоящему герою-солдату и, въ то же время, истинному христіанину, я троекратно его поцѣловалъ и перекрестилъ, сказавъ ему, что дѣлаю это отъ лица Государя.

На прощанье, пожелавъ контуженному и всѣмъ его товарищамъ по палатѣ быстраго выздоровленія и еще разъ поблагодаривъ всѣхъ за вѣрную службу Царю и отечеству, я вышелъ изъ палаты, сопровождаемый «ура» всѣхъ раненыхъ и контуженныхъ, забывшихъ на минуту, подъ вліяніемъ охватившихъ ихъ патріотическихъ чувствъ, свои боли и горести.

Пережитыя мною въ это утро минуты — однѣ изъ лучшихъ въ моей жизни. Простая, лишенная всякой искусственности, красота ихъ — была исключительная.

Много видѣлъ я послѣ того и раненыхъ и контуженныхъ, — въ одномъ Кіевѣ, весною 1915-го года говорилъ болѣе, чѣмъ съ 17-ю тысячами, — и много встрѣчалъ я среди нихъ настоящихъ патріотовъ и преданныхъ слугъ своего Царя, высказывавшихъ мнѣ, тоже безхитростно, одушевлявшія ихъ чувства, но чего либо подобнаго тому, что я слышалъ въ это утро въ Москвѣ, — мнѣ больше слышать не довелось. Это было прямое откровеніе!

И нынѣ, въ изгнаніи, когда больше нѣтъ Россійской Имперіи, когда ея великодушный Императоръ погибъ отъ руки изувѣровъ, — этотъ голосъ солдатской души звучитъ для меня неумирающимъ эхо, свидѣтельствующимъ о томъ, какими были настоящіе русскіе солдаты въ доброе старое время, пока пропаганда и неразумныя распоряженія правительства не сдвинули ихъ съ пути долга и чести на гибельный путь революціи, доведшій ихъ до анархіи, подлости и озвѣрѣнія...

Прежде чѣмъ покинуть лазаретъ, я счелъ своимъ долгомъ выразить сестрѣ, такъ трогательно просившей меня дать медаль ея больному, — особую похвалу и благодарность.

Я считалъ необходимымъ это сдѣлать, главнымъ образомъ, потому, что видѣлъ въ ея поступкѣ не только проявленіе заботливости о больныхъ, но и, до нѣкоторой степени, доказательство, присущаго ей, гражданскаго мужества и сознанія долга.

Въ присутствіи старшаго врача, старшей сестры и почти всего персонала, собравшагося меня проводить, я обратился къ ней со слѣдующими словами:

— Благодарю Васъ, сестра, за то, что Вы сдѣлали. Безъ Васъ я не исполнилъ бы возложеннаго на меня Его Величествомъ порученія и одинъ изъ, несомнѣнно, достойнѣйшихъ, остался бы, вопреки волѣ Государя, не награжденнымъ. Поступая такъ, какъ Вы поступили, Вы доказали, что Вы дѣйствительно сестра милосердія.

Конечно, Вы, до нѣкоторой степени, нарушили служебную дисциплину, но это не должно быть Вамъ поставлено въ вину, такъ какъ Вы руководствовались высшей дисциплиной — завѣтомъ Того, чью святую эмблему Вы носите на груди: Вы возлюбили ближняго, какъ самую себя.

Въ виду этого я считаю долгомъ выразить Вамъ благодарность отъ лица Государя Императора.

По возвращеніи моемъ въ Петроградъ, я буду счастливъ доложить Его Величеству какъ о Вашемъ христіанскомъ порывѣ, такъ и о тѣхъ незабвенныхъ минутахъ, которыя я провелъ у койки Сиволенко.

Засимъ, обращаясь къ старшему врачу, я просилъ его имѣть особое наблюденiю за ходомъ болѣзни несчастнаго контуженнаго, предупредивъ, что Государь, навѣрное, будетъ интересоваться судьбой страдальца.

**
*

Для лучшаго пониманія всего значенія описаннаго случая, считаю нужнымъ пояснить, что Сиволенко былъ простымъ, заурядным солдатомъ изъ крестьянъ Полтавской губерніи. Онъ не былъ гвардейцемъ и не принадлежалъ къ одному изъ шефскихъ, или наиболѣе славныхъ армейскихъ полковъ, гордившихся своей боевой исторіей и потому всегда относившихся съ особымъ вниманіемъ къ воспитанію своихъ солдатъ.

Это былъ настоящій представитель глубокой арміи — одинъ изъ тѣхъ милліоновъ сѣрыхъ безвѣстныхъ героевъ, что, въ началѣ войны, такъ жертвенно шли въ бой за Вѣру, Царя и Отечество и, въ концѣ концовъ, навѣрно проложили бы, усѣявъ поля сраженій своими трупами, путь къ желанной побѣдѣ и торжеству правды...

Но подлая пропаганда однихъ, явно измѣнническая дѣятельность другихъ, при преступномъ попустительствѣ третьихъ и не менѣе преступномъ сочувствіи не только интеллигенціи, но даже и высшаго общества (увы, вплоть до самыхъ высокихъ его слоевъ) создали столь отравленную и удушливую атмосферу, что даже развитымъ и твердымъ въ своихъ убѣжденіяхъ людямъ стало трудно разобраться гдѣ кончается правда и гдѣ начинается клевета и они задыхались нравственно, ища выхода изъ, подавлявшаго ихъ, конфликта между своими принципами съ одной стороны и, искаженной пропагандой и клеветой, дѣйствительностью съ другой.

Что же удивительнаго при такихъ условіяхъ, что простые солдаты, надышавшись тлетворныхъ газовъ пропаганды, очумѣли и, когда вѣковая власть пала, а новая въ одну недѣлю разрушила дисциплину, что удивительнаго, если они, подобно конямъ, почуявшимъ, что возжи брошены, понесли, какъ бѣшеные, государственную колесницу Россіи!

И пусть не говорятъ, что, выдвигая психологическое объясненіе развала русской арміи, я идеализирую солдатъ, — отнюдь нѣтъ, я только говорю, что, при создавшихся, къ началу 1917-го года, общихъ условіяхъ, а также при томъ поведеніи начальства, какимъ оно было отчасти до революціи и, въ особенности, послѣ, а равно и той преступной нерѣшительности, какую проявило, съ первыхъ же дней, трусливое Временное Правительство, массовый психозъ, охватившій солдатъ въ 1917-омъ году, можетъ быть, если не оправданъ, то, во всякомъ случаѣ, объясненъ и я убѣжденъ, что будущій историкъ, который будетъ изучать событія 1917 года безъ присущей намъ, современникамъ пережитой драмы, страстности, отнесется съ безпощадной строгостью къ Князю Львову и всѣмъ подобно ему, злоумышлявшимъ противъ своего Государя, къ политиканствующимъ генераламъ, униженно пресмыкавшимся передъ Государемъ, но поспѣшившимъ, при первыхъ же звукахъ революціи, надѣть красные банты и расшаркаться передъ новыми правителями, а также и къ тѣмъ гвардейскимъ офицерамъ, которые кичились всегда своей преданностью престолу, но, въ 16-омъ году тоже поддались пропагандѣ и, повѣривъ злостной клеветѣ объ измѣнѣ

Императрицы, стали мечтать о «переворотѣ» и привѣтствовали радостно начало февральскихъ безпорядковъ, какъ прелюдію, думалось имъ, осуществленія ихъ преступной мечты о лишеніи власти Того, Кому они присягали и съ чьей стороны ничего, кромѣ ласки, вниманія и милости, никогда не видѣли.

Для нихъ, для всѣхъ этихъ предателей, у будущаго безпристрастнаго историка — пощады, вѣроятно, не будетъ; для обманутыхъ же и одурманенныхъ злостной пропагандой и растерявшихся, среди наступившихъ неожиданно безвластія и анархіи, милліоновъ — въ большинствѣ малограмотныхъ взрослыхъ дѣтей — у него, я увѣренъ, найдется слово снисхожденія...

Кому больше дано, съ того больше и взыщется... И горе тому, кто соблазнитъ единаго изъ малыхъ сихъ!

***

По возвращеніи моемъ въ Петроградъ, я представилъ Государю всеподданнѣйшій докладъ объ исполненіи, возложеннаго на меня, порученія, но, излагая случай, составляющій предметъ настоящаго очерка, я не вошелъ въ подробности.

Зная скромность Государя и Его нелюбовь обнаруживать свои душевныя переживанія, я былъ увѣренъ, что Ему было бы непріятно, если бы я видѣлъ то волненіе, какое должно было, неминуемо, Его охватить, если бы я передалъ Ему то, что сказалъ мнѣ Сиволенко о Его глазахъ и видѣнныхъ имъ слезахъ.

Поступая такъ, я, конечно, не хотѣлъ утаить этого отъ Государя, — наоборотъ, я мечталъ представить Ему все видѣнное и слышанное мною возможно ярче и полнѣе, но хотѣлъ это сдѣлать наиболѣе пріятнымъ для Него образомъ.

Для этого былъ одинъ путь — представить Государю дѣловой докладъ и, въ то же время, разсказать Императрицѣ всѣ подробности того, что мнѣ пришлось пережить въ московскомъ лазаретѣ.

Судьба мнѣ благопріятствовала: я могъ не испрашивать у Государыни особой аудіенціи, будучи удостоенъ, въ тотъ же день, приглашенія къ Высочайшему завтраку.

Пользуясь этимъ, я пошелъ въ гостинную Императрицы нѣсколькими минутами ранѣе обычнаго часа, въ надеждѣ застать Ее одну и имѣть возможность поговорить съ Нею до завтрака, пока Государь не пришелъ.

На мое счастье, Государь въ этотъ день немного запоздалъ и я могъ подробно изложить Ея Величеству все то, что хотѣлъ.

Государыня была глубоко растрогана всѣмъ слышаннымъ и по достоинству оцѣнила какъ поведеніе сестры, такъ и слова Сиволенки и его высокій духъ.

Сильно волнуясь, Она высказала мнѣ одобреніе по поводу того, что я сказалъ сестрѣ и поблагодарила за мою мысль — разсказать подробности Ей, а не Государю.

— J'apprécie beaucoup la pensée délicate, qui vous a amené à agir ainsi et je vous promets de donner à l'Empereur une idée exacte du tableau, que vous m'avez tracé.

Du reste, elles seront là pour compléter mon récit, si, par hasard, j'omettais quelque détail, прибавила Она, кивнувъ, при этомъ, на присутствовавшихъ при нашемъ разговорѣ двухъ старшихъ Великихъ Княженъ.

— Будьте спокойны, воскликнули Ольга и Татьяна Николаевны, все передадимъ точно, ничего не упустимъ, и тутъ же поспѣшили, пока не пришелъ Государь, разсказать вошедшимъ въ гостиную своимъ младшимъ сестрамъ — Маріи и Анастасіи Николаевнамъ.

Чарующая, незабвенная картина.

Передо мною была не гордая и холодная на видъ Императрица Александра Ѳеодоровна, какой Она являлась обычно на выходахъ и оффиціальныхъ пріемахъ, и за что Ее столь многіе не любили, а женщина, глубоко переживающая людскія страданія и всѣмъ сердцемъ отзывающаяся на искреннія проявленія любви къ Ея царственному супругу.

А Великія Княжны! Съ какимъ вниманіемъ онѣ слушали мой разсказъ и какъ трогательно отнеслись онѣ къ моей просьбѣ!

Милыя, дорогія, прекрасныя созданія, всегда такія ласковыя, такія привѣтливыя, такія добрыя, рожденныя, казалось, для счастья, но испившія до конца чашу страшныхъ испытаній — онѣ нынѣ, хочется вѣрить, — свѣтлые Ангелы у Престола Божія...

Въ теченіе послѣдовавшаго затѣмъ завтрака и Государыня и Великія Княжны были разсѣяны и лишь урывками принимали участіе въ разговорѣ. Видно было, что мысли ихъ далеко. Онѣ, несомнѣнно, думали о томъ, что я имъ повѣдалъ и размышляли, каждая про себя, — какъ бы лучше все передать Государю и какъ бы не упустить чего либо существеннаго и знаменательнаго.

Послѣ завтрака, прощаясь со мною, Ея Величество спросила меня запомнилъ ли я фамилію контуженнаго и справился ли о фамиліи сестры?

Къ счастью всѣ свѣдѣнія о нихъ были мною записаны и я могъ тутъ же ихъ Ей сообщить.

Нѣсколько дней спустя я узналъ, что отъ имени Государыни и Сиволенкѣ и сестрѣ милосердія были препровождены иконы.

По повелѣнію же Государя, престарѣлымъ родителямъ героя-страдальца было послано въ деревню денежное пособіе.

Кромѣ того, главному Начальнику Московскаго Военнаго Округа было указано періодически сообщать о состояніи его здоровья Военно-Походной Канцеляріи, для доклада Его Величеству.

***

Два съ небольшимъ мѣсяца спустя, на одномъ изъ моихъ дежурствъ, Государь, какъ только меня увидѣлъ, сказалъ:

«Вчера Я получилъ извѣстіе о смерти Сиволенки. Командующій войсками доноситъ, что онъ, послѣднее время, безумно страдалъ.

При такихъ условіяхъ, это, конечно, къ лучшему, но Мнѣ очень жаль, что Я его не увижу... Я надѣялся, что онъ поправится и хотѣлъ обезпечить ему тихую и спокойную жизнь...».

Такъ думалъ о своихъ солдатахъ русскій Царь, вѣрившій въ побѣд-

ный конецъ войны и мечтавшій наградить по заслугамъ всѣхъ, исполнившихъ свой долгъ передъ Нимъ и родиной.

Для Него всѣ были равны, всѣ одинаково дороги и одинаково близки Его любвеобильному сердцу, но, естественно, что такіе представители солдатской массы, какъ Сиволенко, въ которомъ такъ чудесно сочетались лучшія качества русскаго крестьянина-землероба съ исконными качествами русскаго солдата, чудо-богатыря, не могли не вызывать Его особаго къ себѣ благоволенія.

Вотъ почему и вѣсть о кончинѣ Сиволенки, хотя всего лишь одного изъ многихъ тысячъ, ежедневно уносимыхъ войной, вызвала въ Государѣ сожалѣніе какъ о знакомомъ и близкомъ человѣкѣ и Онъ спѣшилъ подѣлиться этой грустной вѣстью со мною, своимъ адъютантомъ, имѣвшимъ счастье открыть передъ Нимъ всю неизрѣченную красоту, этой отлетѣвшей нынѣ въ лучшій міръ, праведной, истинно-русской солдатской души

***

Миръ Царю, великомученику, проливавшему, украдкой, слезы надъ своими страждущими солдатами...

Миръ оклеветанной Царицѣ, такъ искренно болѣвшей о нихъ душой...

Миръ свѣтлымъ ангеламъ — Великимъ Княжнамъ, такъ трогательно о нихъ заботившимся.

Миръ всему множеству честныхъ воиновъ, въ вѣрѣ и вѣрности представшихся и до конца дней своихъ не измѣнившихъ священнымъ завѣтамъ Императорской Россійской Арміи...

Миръ вамъ и вѣчная память въ ореолѣ той лучезарной, немеркнущей, высшей славы, что даютъ не побѣды и не людскія славословія, а той, что стяжается заповѣданной намъ Христомъ Спасителемъ, любовью, больше коей нѣтъ — «какъ если кто положитъ душу свою за други своя».

Чудо

Ночь на 8-ое марта проклятаго 1917-го года.

Спитъ Царское Село. Спитъ Александровскій дворецъ, окруженный вѣковымъ паркомъ, занесеннымъ снѣгомъ. Блистаютъ, при свѣтѣ электрическихъ фонарей, брилліантовыми звѣздами, заиндевѣвшія деревья.

Спитъ въ морозномъ воздухѣ сѣверная природа, безразличная къ разыгрывающейся исторической драмѣ и бушующимъ политическимъ страстямъ.

Дремлетъ стража у дворцовыхъ воротъ и, утратившіе солдатскій видъ, часовые отъ «революціонныхъ войскъ». Они не охраняютъ покой и безопасность тѣхъ, кто почиваетъ во дворцѣ, какъ охраняли своего Державнаго Вождя и Его Семью лихіе красавцы-казаки Конвоя и солдаты Собственнаго Его Величества пѣхотнаго полка — эти лучшіе изъ лучшихъ Императорскихъ Гвардіи и Арміи.

Нѣтъ! Измѣнивъ присягѣ, они обратились въ тюремщиковъ и стерегутъ царственнаго узника отъ возможныхъ попытокъ Его освобожденія...

Тишина кругомъ; лишь свистки дальнихъ поѣздовъ изрѣдка ее нарушаютъ...

Пробило три часа. Стража у главныхъ воротъ ежится отъ холода и ворчитъ, что смѣна опаздываетъ.

Неожиданно доносятся издали звуки клаксоновъ и ревъ автомобилей... Они приближаются и вдругъ, изъ-за угла, появляются переполнечные людьми грузовики и броневыя машины. Докативъ до воротъ дворца, онѣ останавливаются и, выскочившій первымъ, нѣкто въ кожаной курткѣ съ двумя револьверами на поясѣ, повелительно кричитъ: Открывай!

Видъ броневиковъ и пулеметовъ, а также и вооруженныхъ до зубовъ, чуть не полъ-сотни людей, столпившихся у воротъ, дѣйствуетъ на чиновъ стражи настолько устрашающе, что они теряются, но все же медлятъ отворить ворота, не зная, что за люди нагрянули и слѣдуетъ ли имъ повиноваться.

Видя это, предводитель прибывшей шайки еще громче, еще настойчивѣе кричитъ: Открывай!..

— Я — Масловскій — начальникъ боевого отряда Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Приказываю вамъ именемъ Совѣта, немедленно же открыть ворота и безпрепятственно насъ пропустить!

Предупреждаю, что иначе я васъ всѣхъ арестую и вы будете отвѣчать передъ Совѣтомъ, какъ контръ-революціонеры.

— Открывайте, черти, анаѳемы, а не то всѣхъ перестрѣляемъ! иступленно вопятъ, напирая на ворота, прибывшіе въ составѣ отряда, солдаты и рабочіе.

Устрашенная стража открываетъ ворота и озвѣрѣлая ватага бросается къ подъѣзду дворца.

Если вооруженные солдаты не посмѣли оказать сопротивленія, то чего же можно ожидать отъ, разбуженныхъ криками и, естественно, на смерть перепуганныхъ стариковъ лакеевъ и швейцаровъ?!

Двери раскрываются настежь и кровожадные эмисары Совѣта врываются во дворецъ.

Вотъ они въ «темномъ» корридорѣ. [1])

— Гдѣ Николай? нагло кричитъ Масловскій.

— Его Величество сейчасъ выйдетъ, отвѣчаетъ ему съ невозмутимымъ спокойствіемъ высокій, красивый, пожилой генералъ съ моноклемъ въ глазу.

Извѣщенный о происходящемъ Обергофмаршалъ, Генералъ-Адъютантъ Гр. П. Н. Бенкендорфъ, наскоро одѣвшись и предупредивъ Государя. поспѣшилъ навстрѣчу непрошеннымъ гостямъ.

Сознавая всю опасность наступившей минуты, онъ хочетъ или, жертвуя своей жизнью, защитить Государя или погибнуть вмѣстѣ съ Нимъ.

Всегда спокойный и флегматичный, баринъ до мозга костей, Гр. Бенкендорфъ, въ эту трагическую минуту, себѣ не измѣнилъ. Рыцарь въ душѣ, онъ вѣренъ своему владыкѣ въ несчастьи, какъ былъ всю жизнь вѣренъ Ему въ дни счастья и величія.

Другіе, также вѣрные до гроба слуги Царя, — Гофмаршалъ Свиты Его Величества, Генералъ-Майоръ Князь В. А. Долгоруковъ и Лейбъ-Медикъ Е. С. Боткинъ, тоже разбуженные, спѣшатъ въ «темный» корридоръ къ своему Государю. [2])

Спокойный отвѣтъ Графа Бенкендорфа дѣйствуетъ на Масловскаго и его шайку нѣсколько отрезвляюще — они останавливаются въ недоумѣніи не зная, что дѣлать: ждать или итти во внутренніе покои?

---

1) Такъ назывался большой корридоръ, ведущій отъ перваго подъѣзда къ большой угловой гостиной и другимъ парадным покоямъ.

Въ него выходили двери пріемной Государя и внутреннихъ аппартаментовъ Ихъ Величествъ.

2) Вѣрнѣйшій изъ вѣрныхъ и преданнѣйшій изъ преданныхъ, престарѣлый Министръ Императорскаго Двора Генералъ-Адъютантъ Графъ В. Б. Фредериксъ уже не былъ въ это время при Его Величествѣ. Арестованный распоряженіемъ Временнаго Правительства, онъ томился въ заточеніи и переносилъ тяжелые нравственныя испытанія, подвергаясь постояннымъ издѣвательствамъ со стороны, сторожившихъ его часовыхъ и безпокоясь за судьбу Государя, которому посвятилъ свою жизнь, а также и собственной семьи, которая послѣ поджога чернью ихъ дома, оставалась безъ крова.

Дворцовый Комендантъ Свиты Его Величества Генералъ-Майоръ В. Н. Воейковъ, тоже арестованный съ первыхъ же дней революціи, находился въ Трубецкомъ бастіонѣ Петропавловской крѣпости, а, погибшій впослѣдствіи мученической смертью, Генералъ-Адъютантъ И. Л. Татищевъ тогда еще не состоялъ при Государѣ. Онъ былъ призванъ Его Величествомъ передъ самымъ отъѣздомъ въ Тобольскъ.

Они, видимо, не ожидали, что Царь къ нимъ выйдетъ; они думали, что Онъ будетъ пытаться отъ нихъ скрыться и вѣсть, что Онъ къ нимъ сейчасъ явится — невольно производитъ на нихъ впечатлѣніе.

Какъ убійца, занесшій надъ своей жертвой ножъ, иногда, подъ вліяніемъ какой нибудь неожиданности, опускаетъ руку, не нанеся удара и засимъ колеблется, не рѣшаясь ее снова поднять, такъ и эти, потерявшіе всякій человѣческій образъ, негодяи, — остановились въ нерѣшительности, услышавъ слова Графа Бенкендорфа, произнесенныя тономъ уничижающаго презрѣнія.

Но впечатлѣніе неожиданности понемногу проходитъ, и наглость и революціонный задоръ снова берутъ верхъ. Начинается ропотъ:

— Чаво ждемъ? спрашиваетъ одинъ.

— Да сказывали, что придетъ, отвѣчаетъ другой.

— Придетъ!! передразниваетъ третій, а коли не придетъ?

— Да очень даже просто, кричитъ четвертый и добавляетъ, — зря ждемъ!

— Эй, товарищъ, подхватываютъ нѣсколько голосовъ, обращаясь къ Масловскому, это вѣрно, что зря ждемъ! Вѣдь пока что, Онъ можетъ удрать! Мы не за тѣмъ сюда пріѣхали!

Эти слова вызываютъ сочувственные крики:

— Вѣрно, нечего ждать. Идемъ впередъ!! раздается дикимъ ревомъ, столь необычнымъ для дворцовыхъ покоевъ.

— Ладно, не шуми, кричитъ Масловскій, я знаю, что дѣлаю... Коли черезъ пять минутъ не придетъ — пойдемъ сами за нимъ.

Но не успѣваетъ онъ закончить своихъ словъ, какъ въ глубинѣ коридора растворяются двери и на порогѣ появляется Тотъ, кого они ждутъ...

Отрекшійся отъ престола, лишенный власти и царскаго ореола, Онъ все же—Царь и такъ великъ еще прирожденный Ему престижъ, что, при появленіи Его, крики сразу смолкаютъ и въ корридорѣ наступаетъ гробовая тишина.

Не колеблясь идетъ Онъ къ ворвавшейся, среди ночи, во дворецъ шайкѣ головорѣзовъ, готовыхъ на убійство и на любое преступленіе.

Подойдя къ нимъ вплотную, Государь останавливается и смотритъ на нихъ своими чудными глазами...

И грустны глаза Государя и безутѣшная виднѣется въ нихъ скорбь — скорбь по разсѣяннымъ иллюзіямъ и горькое разочарованіе въ своемъ народѣ, который Онъ такъ любилъ.

Молча смотритъ Государь на стоящихъ передъ Нимъ вооруженныхъ людей, но въ глазахъ — вся истрадавшаяся душа Его.

Молчитъ и Масловскій и, какъ окаменѣлый, стоитъ онъ подъ лучистыми взорами своей жертвы.

Одного слова Масловскаго достаточно, чтобы свершилось непоправимое. Ничто не можетъ помѣшать ему увѐзти Государя въ крѣпость, или даже убить Его...

Но Государь смотритъ на него своими скорбными глазами и онъ читаетъ въ нихъ безмолвный, но неумолимый укоръ.

Такъ проходитъ нѣсколько минутъ, кажущихся вѣчностью и вдругъ

— не выдержавъ взгляда обличающихъ его глазъ, Масловскій неожиданно поворачивается и командуетъ:

— Кругомъ, шагомъ маршъ! — и усмиренная и зачарованная Царскими взорами, буйная ватага безпрекословно исполняетъ команду и покидаетъ дворецъ...

Чудо совершилось: злоба покорилась добродѣтели и правдѣ, грубая сила преклонилась предъ нравственнымъ величіемъ царственнаго узника.

Безподобные глаза Государя чудесно пробудили заснувшую, казалось безнадежно, человѣческую совѣсть.

Клевета и правда

Въ дни величія Россіи, когда наша родина подъ скипетромъ своего Царя неуклонно шла по пути прогресса и процвѣтанія, революціонеры дерзали въ безсильной злобѣ говорить про Государя—«Кровавый Императоръ»...

Да, такъ осмѣливались называть добрѣйшаго и миролюбивѣйшаго Царя тѣ самые люди, котрые, свергнувъ вѣковую, законную русскую власть во имя блага народнаго, залили всю необъятную Россію кровью этого народа и обративъ его въ рабовъ, пропитали насквозь слезами его родную землю.

Однако и эти изувѣры, эти, поистинѣ, всероссійскіе палачи, при всей своей непримиримой ненависти къ Государю, все же не могли не признавать красоты Его глазъ: «Кровавый Императоръ», говорили они «съ глазами газели».

Глаза газели... Какъ это звучитъ красиво!

Среди всей Божьей твари, нѣтъ болѣе граціозной, болѣе милой и чьи глаза были бы болѣе красивы и болѣе выразительны.

Но тотъ, кто не видѣлъ глазъ умирающей газели, тотъ ихъ не знаетъ. Мнѣ однажды довелось это видѣть.

Раненая, лежала она въ предсмертныхъ мукахъ. Ея глаза, полные слезъ, смотрѣли на меня съ невыразимой, поистинѣ человѣческой тоской и, казалось, спрашивали: зачѣмъ? за что?..

Это было давно, очень давно, но, произведенное на меня впечатлѣніе не изгладилось и я понынѣ вижу ея прелестные, нѣжные, чисто-женскіе скорбно-вопросительные глаза.

***

И вотъ, когда я впервые прочиталъ подробности Екатеринбургскаго злодѣянія и представилъ себѣ картину, происшедшей въ подвалѣ Ипатьевскаго дома драмы, я ясно представилъ себѣ Государя и увидѣлъ Его глаза такими, какими они должны были быть въ эти страшныя минуты.

Озаренные тѣмъ особымъ, уже неземнымъ, сіяніемъ, какое даютъ въ предсмертныя мгновенія, вѣра въ Бога и покорность Его святой волѣ — они были прекрасны, какъ никогда. Въ нихъ не было, я увѣренъ, ни страха, ни злобы, а лишь удивленіе...

И вспомнилась мнѣ при этомъ видѣніи та умирающая газель, въ плачущихъ глазахъ которой, я когда-то прочиталъ: зачѣмъ? за что?

Съ тѣхъ поръ, когда я думаю о мученической кончинѣ моего возлюбленнаго Царя, я вижу въ Его глазахъ, обращенныхъ къ гнуснымъ убійцамъ, тѣ же: зачѣмъ? за что?

На эти безмолвные вопросы палачи отвѣтили выстрѣлами и пулями...

Но Ангель Господень, пріявшій въ свои объятія праведную душу убіеннаго раба Божія Николая и возносившій ее въ надзвѣздныя селенія, «идѣ же вси праведніи упокояются», отвѣтилъ, напомнивъ, слова нѣкогда сказанныя Спасителемъ святымъ Апостоламъ:

> «Если бы вы были отъ міра, то міръ бы любилъ свое; но какъ вы не отъ міра, но Я избралъ васъ отъ міра, потому ненавидитъ васъ міръ (Io. 15, 19)».

И просвѣтленная душа воистину благочестивѣйшаго Императора узрѣла Господа Іисуса и услышала Его всеутѣшающій и всеисцѣляющій голосъ:

> «Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи и Азъ упокою вы... (Мт. 11, 28)».

Пролитая же въ Екатеринбургѣ святая кровь Помазанника Божія потекла по русской землѣ и, сливаясь съ кровью милліоновъ невинныхъ жертвъ, затопила ее отъ края и до края.

Не осталось ни города, ни села, ни поля, ни лѣса, ни дола, ни горы, гдѣ бы не было мученической крови и гдѣ бы не раздавались стоны и плачъ и скрежетъ зубовный... И гибнетъ святая Русь подъ знакомъ сатанинскихъ литеръ, знаменующихъ власть кровавыхъ тирановъ, и красный туманъ обволакиваетъ понемногу всю вселенную, угрожая гибелью всему культурному человѣчеству.

Но міръ, охваченный жаждой наживы и опьяненный ложными доктринами, не видитъ горькихъ слезъ, не слышитъ стоновъ и воплей умирающаго великаго народа и, цинично отворачиваясь отъ потоковъ невинной крови, не зритъ, открывающейся передъ нимъ, страшной бездны.

Заключеніе

Таковы были глаза Государя, навѣкъ закрывшіеся въ роковую, страшную ночь съ 3(16) на 4(17) іюля 1918 года.

Передо мною многочисленные портреты Государя Николая Александровича: ребенкомъ, отрокомъ, юношей и взрослымъ... Со всѣхъ нихъ смотрятъ на меня тѣ же дивные глаза, какими они сохранились въ моей памяти — лучистые, добрые, ласковые, милосердные, какъ бы подернутые удивленіемъ и, съ теченіемъ лѣтъ, по мѣрѣ ростущаго разочарованія въ людяхъ, все болѣе и болѣе грустные.

Вступивъ на прародительскій престолъ Россійской Имперіи еще юношей, не успѣвшимъ познать ни жизни, ни людей, Государю пришлось пройти эту тяжелую науку уже будучи Императоромъ и, въ силу злого рока, воспріять на свои рамена отвѣтственность за чужіе грѣхи и промахи.

Идеалистъ отъ природы, преисполненный любви къ великой своей родинѣ и воодушевленный духомъ патріотической жертвенности, Онъ вѣрилъ людямъ и ждалъ отъ нихъ такой же готовности жертвовать личнымъ для блага Россіи.

Увы, что встрѣтилъ Онъ на своемъ царственномъ пути?

Сначала рутину, косность, формализмъ и страхъ всего новаго, свѣжаго, живого; засимъ — интриги, зависть и клевету и, наконецъ, измѣну и предательство...

Познаніе человѣческой низости и суровые уроки жизни горько отзывались въ душѣ Государя и находили отраженіе въ Его глазахъ.

Внѣшне всегда спокойный и, казавшійся, ко всему равнодушнымъ, Государь, въ дѣйствительности, глубоко переживалъ все, что касалось Россіи и русскаго народа. Тѣ, кто видалъ Государя внѣ оффиціальныхъ пріемовъ и церемоній, видалъ Его запросто и могъ такъ же запросто говорить съ Нимъ, тѣ научались читать въ Его чудныхъ глазахъ и понимали, что творится въ Его душѣ. Они знали какова была ея трагедія и какъ раздиралась она въ тѣхъ противорѣчіяхъ, въ коихъ протекало царствованіе.

Апостолъ мира, Онъ долженъ былъ, какъ указано выше, дважды обнажить мечь для защиты своей Имперіи; врагъ кровопролитій — Онъ долженъ былъ, для спасенія ея отъ анархіи, допустить полевые суды и суровыя репрессіи 1905 и 1906 годовъ; вѣрующій въ божественный источникъ сво-

ей власти, Онъ вынужденъ былъ, для водворенія мира въ странѣ, ее ограничить, а, узаконивъ новое положеніе вещей, долженъ былъ, до конца дней своихъ, пребывать въ невѣдѣніи гдѣ спасительная истина — на томъ ли пути, на который Онъ вступилъ въ 1905 году или же на томъ, съ котораго Онъ тогда сошелъ, но на который Его вновь старались обратить нѣкоторые совѣтники и на который такъ настойчиво звала Его нѣжно-любимая и беззавѣтно Его любившая Супруга, преисполненная, конечно, лучшихъ намѣреній, но совершенно не знавшая ни Россіи, ни ея народа, и вообще несвѣдущая въ политическихъ дѣлахъ и къ тому же еще мистически настроенная Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна.

Отраженіе всѣхъ этихъ переживаній, всѣхъ скорбей и заботъ, всѣхъ надеждъ и разочарованій люди, знавшіе Государя, видѣли въ глубинѣ Его глазъ.

Вспоминая нынѣ усопшаго Государя и Его прекрасные, несравненные глаза, столь безвременно и трагически навѣкъ закрывшіеся, я, вѣрный и безутѣшный слуга Его, имѣвшій счастье 12 лѣтъ носить Его вензеля и познавшій всю неземную красоту Его праведной души, ея благородство, ангельскую доброту и неизмѣнную отзывчивость ко всему свѣтлому и хорошему — земно преклоняюсь предъ Его высокимъ и истинно-христіанскимъ духовнымъ обликомъ и говорю съ глубокой вѣрой, что Императоръ Николай II-ой, завершившій реформы Царя-Освободителя и, какъ Онъ, пріявшій мученическій вѣнецъ, былъ истиннымъ воплощеніемъ того идеала для Монарха, на который указывалъ своему царственному питомцу Жуковскій, великій наставникъ Его великаго Дѣда:

Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій — человѣкъ.
....
Для блага всѣхъ — свое позабывать...

Изъ статьи Дмитрія Новика „Царскій Смотръ“

Въ газетѣ «Возрожденіе» былъ помѣщенъ разсказъ «Царскій смотръ» за подписью Дмитрія Новика, являющійся новымъ подтвержденіемъ того, что сказано въ предисловіи къ настоящему сборнику и правильность чего я старался доказать въ приведенныхъ разсказахъ.

Матросъ Авдѣевъ, озлобленный казнью брата, повѣшеннаго за убійство исправника, подпадаетъ подъ вліяніе соцілистовъ-революціонеровъ. Онъ встрѣчается сначала съ мелкими сошками, но засимъ за его обработку берется самъ Борисъ Савинковъ, отличавшійся, какъ извѣстно, умѣніемъ увлекать на путь террора «малыхъ сихъ», оставаясь самъ за кулисами.

Послѣ нѣсколькихъ бесѣдъ съ Савинковымъ, Авдѣевъ готовъ, — онъ болѣе не честный матросъ, но, отравленный ловкой пропагандой и взвинченный до энтузіазма, онъ революціонеръ-соціалистъ, готовый на все — даже на Цареубійство.

Авторъ прекрасно описываетъ Царскій смотръ крейсера Рюрика:

« Государь медленно шелъ вдоль рядовъ, приближаясь къ Авдѣеву.
« Царь останавливался, бесѣдуя съ Георгіевскими кавалерами. Онъ — все
« ближе. Завороженный Авдѣевъ смотрѣлъ на Царя, который остановился
« рядомъ и заговорилъ съ его сосѣдомъ, матросомъ со стараго «Рюрика»,
« славно погибшаго въ Японскую войну. Общій подъемъ охватилъ все су-
« щество Авдѣева, его разсудокъ былъ въ туманѣ. Онъ слышалъ послѣд-
« нія слова Царя:

« — Я увѣренъ, что новый Рюрикъ не посрамитъ стараго.

« Пройдя въ двухъ шагахъ отъ него, Царь на минуту остановилъ на
« Авдѣевѣ свой взоръ и сталъ удаляться. Авдѣевъ забылъ о револьверѣ, о
« Савинковѣ, о повѣшенномъ братѣ и стоялъ, вытянувшись по уставу.

« — Пружина лопнула, — мелькнуло въ мозгу.

« Пробывъ свыше двухъ часовъ на Рюрикѣ и осмотрѣвъ его съ вер-
« ху до низу, Государь отбылъ. Полагающееся по уставу шестикратное ура
« слилось въ долго несмолкаемый гулъ, сливавшійся съ величавыми звука-
« ми гимна».

Несомнѣнно «общій подъемъ» явился, въ данномъ случаѣ, рѣшающимъ психологическимъ факторомъ, но я увѣренъ, что окончательно «лопнула пружина» подъ вліяніемъ обращеннаго къ злоумышленнику яснаго взора добрыхъ глазъ Государя, вѣроятно, особенно ласково, въ это утро, глядѣвшихъ на матросовъ новаго Рюрика и разбудившихъ въ душѣ Авдѣева, заглушенныя было пропагандой и злобой прирожденныя добрыя чувства.

СОДЕРЖАНІЕ

Société Nouvelle d'Imprimerie et d'Edition 32, Rue de Ménilmontant, Paris (20e)

LUX
LIBERTAS